

Интервью с А.Н.Архангельским о новой серии учебников по литературе (в соавт. с Т.Ю.Смирновой, издательство «Дрофа»)

- Александр Николаевич, вы входили в рабочую группу по разработке Концепции преподавания русского языка и литературы. Довольны результатом?

- Когда все только запускалось, я был пессимистом. И соглашался на участие в работе только из чувства долга, чтобы потом не говорить самому себе: у тебя был шанс, пусть и маленький, на что-то повлиять, а ты его упустил. Какой был фон? Депутаты во главе с Ириной Яровой (характерно, что на первом этапе среди них не было ни одного человека, связанного с образованием) пытались взломать действующий закон об образовании, отменить вариативность применительно к курсам истории, литературы, русского языка. И навязать единый учебник, лукаво именуемый «базовым». Ссылались при этом на необходимость обеспечить «единство образовательного пространства».

Но любая литература, русская в особенности отторгает однозначные трактовки! Это же знает любой опытный читатель. Читательский диалог с текстом, его эстетическое проживание составляют ее суть, она несовместима с начетничеством. А значит, единого учебника по литературе просто не может быть в принципе. Хуже того, от литературы снова стали требовать «положительных примеров», моделей правильного поведения. В то время, как русская литература, и классическая, и 20-го, и тем более 21 века – вся про сложность и неоднозначность жизни, а не про готовые ответы на идеологические вопросы. Читая «Героя нашего времени», мы не получаем никакого образца для подражания. И рецепта «как не надо себя вести» тоже не получаем. Зато получаем глубокий предмет для размышления о глубочайших противоречиях личности, о столкновении героя с обществом – и с самим собой... То же и с Пушкиным. Татьяна Ларина героиня идеальная, но ведь роман-то назван «Евгений Онегин», и не случайно! Мучающиеся, ищущие герои Толстого тем и интересны, что путь к истине для них подчас важнее результата... И что, опять пойдем «по образам»? Положительные черты, пионер – всем ребятам прием?

Есть, конечно, великие тексты, пронизанные пафосом гражданственности, патриотизма, религиозного и светского служения человеку и обществу, но современному школьнику важно получить и то, и другое. И прививку сложности, и прививку идеала. И самое существенное – это я хочу подчеркнуть – настоящая гражданственность, живой патриотизм, бескорыстное служение воспитываются не прямым призывом, не абстрактной формулой, они не терпят однозначности, они не страшатся противоречий, и этому учит литература.

В общем, соглашаясь на вхождение в рабочую группу, я ждал провала. И первое непубличное заседание, на котором каждый тянул одеяло на себя, совсем расстроило. Однако как-то вдруг потихоньку-полегоньку диалог налачился, работа пошла, и получилось все, пусть и несовершенно, и шероховато, но глубоко, интересно, современно. Руководители рабочих групп (в нашем случае это Дмитрий Петрович Бак) сумели так уравновесить неизбежное расхождение взглядов, что в итоге документ оказался живым. И вполне применимым к школьным нуждам, к задачам преподавания литературы в школе.

- Разговоры о едином учебнике по литературе и впрямь утихли. Но продолжают споры вокруг базового списка основных литературных произведений, изучаемых в школе. Есть ли некий незыблемый литературный канон, можно ли включить современную литературу, какова пропорция обязательных текстов и вариативных. Вы из какой логики исходите?

- Боюсь, что опять телегу ставят впереди лошади. Списки вещь важная, но это второй вопрос, а первый – содержание литературного образования в школе. Знание определенного набора текстов – лишь один из аспектов. Вопрос о том, как читать, как связывать прочитанное со своей жизнью, как сохранить привычку к чтению на всю жизнь – гораздо важнее. Тем не менее, со списками тоже нужно разбираться, договариваться о

какой-то общей логике. Я лично исхожу из того, что русский литературный канон есть, причем он включает в себя не только безусловную отечественную классику, но и какое-то количество переводных текстов. Тех, которые стали опорными для русской литературной традиции.

Но ведь слышны возражения, в том числе от серьезных ученых, что школьный канон явление рукотворное, его создавали методисты до революции, а закрепляли педагогические начальники – после нее?

Все разговоры о том, что канон понятие условное, что он сложился и удерживался искусственно, под давлением власти, или наоборот, что он объективен, незыблем и дан нам «по воле Бога самого», потому что раз и навсегда зафиксировал код русской культуры, - несколько лукавы. Это все равно что отвечать на вопрос «ты уже перестала пить коньяк по утрам, отвечай немедленно, да или нет». Канон складывался и неформально, и формально: отчасти в результате споров критиков, отчасти – действий государства, отчасти – морального давления интеллигенции на общество и власть, отчасти – читательских предпочтений и привычек. Не или – или – или, а и – и – и. Не считаться с этим невозможно. Но точно также глупо думать, будто канон это нечто неподвижное, омертвевшее, раз и навсегда данное.

Скажем так, есть те, для кого канон имеет твердое состояние. Есть те, для кого он скорее нечто газообразное. Я же считаю, что он текучий. То есть вполне осязаем и конкретен, но делится на малоподвижное ядро и весьма подвижную периферию. Он меняется во времени, но меняется медленно. И в этом смысле мне нравится компромиссный, прошедший долгие и мучительные согласования (в которых мне тоже пришлось участвовать, хотя я не входил в число авторов) вариант Примерной программы по литературе для 5-9 классов. Здесь в итоге достигнут разумный баланс обязательного, вариативного и свободного, без чего школьное преподавание литературы невозможно. Впрочем, настоящая, последовательная вариативность предполагает право отказа учителя от вариативности. Мы должны продумывать модели, которые обеспечат возможность учителю свободно конструировать свой курс (соблюдая естественные ограничения базового уровня), либо, наоборот, полностью воспроизводить готовую матрицу.

- В ПООП отводится сравнительно большое место новой литературе, в том числе для подростков. Но одно дело дать учителю право самому выбрать актуальное произведение, прочитать с учениками. И совсем другое включать новые тексты в учебники и хрестоматии, как бы превращая их в обязательные. Тут часто возникает реакция отторжения у родителей и учителей. Разве не так?

- Знаете, как говорят в Перми, так-то так, а так-то не так. Все же значительная часть современной литературы отнесена в школьном курсе к внеклассному чтению, а учебник сосредоточен на основном «составе». Но мы, например, с моим соавтором, директором гимназии «Образ» Татьяной Смирновой, заканчиваем сейчас многолетнюю работу над линией по литературе для 5-9 классов, и втягиваем новую литературу внутрь учебного процесса. Постепенно, осторожно, но неуклонно. Пятый класс заканчивается главкой-рекомендацией о том, каких хороших современных поэтов стоит почитать. От Марины Бородицкой до... поставим многоточие. В шестом речь заходит о прозе, в том числе переводной. И так далее. Но я бы посмотрел шире – все-таки понятие «современное» не сводится к «сиюминутному». Литературой 20 века у нас «подсвечена» древняя (например, тяжелый для восприятия текст «Слова о полку...» становится куда понятнее, если читать вместе с ним рассказ Шукшина «Экзамен»). А Пушкин в 9-м будет ближе, если прочесть отрывок из тыняновского романа. Пушкинские отношения с декабристами – если рядом поставить Давида Самойлова «Пестель, поэт и Анна». Или пристыковать к «Мертвым душам» рассказ того же Шукшина «Забуксовал»... А уж как изучать «Илиаду» или «Одиссею» без поэтического сопровождения Мандельштама или Есенина (у него есть прекрасный сонет «Греция»), я вообще не представляю.

- Но то, что Вы упоминаете – вполне традиционные реалистические тексты. Часто приходится слышать, что весь прорывной пласт русской и мировой словесности остается за рамками школы, что «деревенщики» это максимум, на который она решается.

- Ну, не знаю, не знаю. Совсем уж авангардные тексты могут вызвать оторопь и нежелание приближаться к современной словесности в принципе, к их восприятию надо отдельно готовить. И, конечно, в старших классах. «Поэзия пусть отстает/ От просторечья, / Не на полгода, не на год, /На полстолетья», как писал «традиционный» и при этом выдающийся поэт Давид Самойлов. Другое дело, что спектр той же литературы 70-90-х годов 20 века должен быть представлен более широко. И деревенщики – как вы можете обойтись без «Уроков французского» Распутина? И «городские». Разные. У нас, скажем, есть и Бродский, и Рубцов. И военный Симонов, и Ахматова. И «Поллианна», и (пусть в отрывках) Клайв С. Льюис, и богомоловский «Иван». Они друг друга подсвечивают, а не отторгают. Школа для всех. И для консерваторов, и для прогрессистов. И для любителей реализма, и для поклонников нового языка.

- Вот вы сами упомянули, что делаете учебники – Ваша совместная с В. В. Агеносовым линия 10-11 классы давно уже в школе, впереди линия 5-9. Вы в какой логике работаете? Исторической? Идете от текста?

- Мы как бы прошиваем каждый год сквозной темой. В 5-м это детство – и человека, и человечества. Сюда ложатся и мифы, и фольклор, и священные книги человечества, и собственно литература. Вдруг начинают аукаться считалочки и «В дурном обществе» Короленко, и «Кавказский пленник» - где тема игры, игрушки, взросления так важны. А в 6-м приходит пора героики, что вполне соответствует возрасту. А потом – тема пути, и жизненного, и сквозь пространство и время, жанры путешествия, приключения... А потом приближается юность, и нужно говорить уже об идеале. И потихоньку вводить историко-литературную логику, чтобы в 9 классе на ней сосредоточиться. А еще очень важно предложить опыт собственного литературного творчества, следуя старой формуле «от маленького писателя к большому читателю». Не столько сочинения писать (что тоже важно – правда, возвращая сочинение в школу, нужно думать не только о методике, но и о том, как мы будем компенсировать учителю бесконечную проверку письменных работ), сколько занимать позицию автора, пытаться сочинять.

- Но ведь Вы сами сказали о языке, о том, что восприятие затруднено, что у школьника высок соблазн проигнорировать классический текст. И тут мы возвращаемся к вопросу о списках. Может быть, проще отказаться от ушедших, пусть и великих произведений ради доступности?

- Проще, да не лучше. Да, проблема восприятия есть. Но от нее не отмахиваться нужно, а решать. Например, используя современные технологии, понятные детям куда лучше, чем взрослым. В школу должны прийти (и они уже делаются!) комментированные электронные издания классики, где примечания анимированы, форма подачи дополнительных осложняющих материалов – адаптирована к современному сетевому и мультимедийному сознанию. Вместо того, чтобы плакаться на торжество видеокультуры, ее можно использовать для облегчения контакта с литературой.

А формат видеолекций с хорошей инфографикой? Минобр запустил проект дистанционной электронной школы, я надеюсь, он в 2016 году будет доступен для учеников и учителей. И там мы с рядом учителей, и новгородских, и московских, (некоторые из них «обкатывают» будущий учебник), уже сделали 5 класс по литературе. Сейчас начинаем работу над 6-м. Очень хорошая команда делала видео. Красивый, современный дизайн и монтаж. Но будет там и текстовая обвязка, и задания, и тренажеры... В результате учителя при желании смогут показывать какие-то лекции на уроках, родители с детьми пересматривать то, что не было усвоено в классе... Мне

вообще кажется, что цифровая цивилизация, которая, конечно, бросила вызов литературной традиции, способна вернуть ей долги и стать инструментом поддержки.

- *Интересно, посмотрим, что выйдет. Но ведь такого рода проекты уже есть? Некоторые родители дают своим детям смотреть лекции «ИнтернетУрок»?*

И эту площадку мы опробовали, прорабатывая учебную линию – только что, перед Новым годом, на сайте проекта появились мои видеоуроки для 5 класса, монтируются 6 и 7, зимой запишем 8 и 9. Но там немного другая задача: постепенно создаются тьюторские группы, но это уже платно, в отличие от видеокурса, который в открытом доступе. В электронной же школе, создаваемой Минобром, такие группы не создашь. Зато там буквально просится идея LMS, заочная автоматизированная тестовая система, в которую можно загружать выполненные задания и она сама будет их оценивать по определенным параметрам. В общем, сегодня учебник невозможен без параллельной работы с современными технологиями, без вовлечения учителей, учеников и родителей в мультимедийный мир, который **не заменяет** собственно учебную работу, но дает ей современные подпорки. Мы, как видите, этим активно занялись.

А зачем учебники вообще нужны? Разве хороший учитель не в состоянии сам выстроить свой курс, сам продумать его логику, сам отобрать тексты, разработать вопросы, задания и прочие методические хитрости?

- На прямой вопрос – прямой ответ. В центре школьного процесса две фигуры, учитель и ученик. Драматургия школы держится на их диалоге, их взаимодействии, иногда на их конфликте. Что же до автора учебника, то он должен помнить свое место. Это место **при** учителе. Если тот самостоятелен, учебник для него всего лишь легкое подспорье. Так, дети, это мы обсудить не успели, откройте дома учебник на странице сорок восемь, проглядите, вроде бы, там это объясняется неплохо. Но школа явление массовое, а нагрузка у педагогов запредельная. Учителю может быть некогда и несподручно разрабатывать свою линию самостоятельно, тогда он ищет в наборе учебных линий ту, которая ему ближе. Ну, и не будем прятаться от правды – бывает, что школьнику с учителем не повезло. Тогда учебник превращается в некое подобие суррогатной матери. Он работает *вместо* учителя, страхует процесс, не дает спуститься ниже определенной черты. Мы, так сказать, бетонируем дно. И служим на подхвате у творческого учителя. Помните рассказ Носова «И я помогаю?» Вот это про нас.